

КАМО ГРЯДЕШИ?

Размышления о судьбах русской культуры

Песня — душа народа. Русская музыка, в более общем смысле, есть «песня» русского народа, а его душа, шире, его — дух, его жизнь-история, характеристический его облик сегодня, его «дыханье» отливаются в звуковые творения композиторов России, придают им тот часто трудно уловимый словами оттенок, по которому даже в незнакомом произведении по голосу радиоприемника мы нередко безошибочно угадываем: это русская музыка. Несмотря на национально-нивелирующие тенденции современной культуры, музыка в целом отнюдь не утрачивает своей национальной определенности. Музыка остается величайшим воплощением народного духа. Думая о русской музыке, мы естественно, размышляем о том состоянии, в котором находится народный дух сегодня. И состояние это внушает патриотически настроенным соотечественникам настоящую тревогу — что с нами происходит? Куда нас ведут? Как могло случиться, что высокие слова «русский народ», «родина», «отечество», «патриотизм» стало невозможным произносить без обвинений в... фашизме?! Большая часть нашей прессы норовит калечить эти слова, например, к слову «патриотизм» прицепляя спереди «национал» — читай — фашизм. Неужели есть необходимость говорить о том, что фашизм был разгромлен именно этими идеями: «народный патриотизм», «Отечество в опасности!», «Родина-мать зовет!» и что заслон фашистским танкам, артиллерии и авиации составили тела наших солдат, причем наибольшее количество их них — дети матерей русских? Воистину, у нас отшибло память.

Осознание современного пути предполагает прослеживание исторических этапов развития музыкального искусства. Уже первый взгляд на них показывает большие, подчас поразительные качественные изменения от одного периода к другому, хотя качество «русскости» остается тем же самым. Естественно, в век особенно стремительной эволюции следует ожидать перемен наиболее радикальных. Тогда, быть может, нет причин и для тревоги? Просто очередной виток эволюционной спирали? Очередной необходимый перегиб?

Необходимо учитывать *многослойность* музыкальной культуры. Основой, нижним слоем ее всегда являлся голос народа — *непрофессиональное* музицирование, собственно народное творчество, саморастущее на земле, как растут на ней деревья, травы, кустарники. Здесь отсутствует деление на творцов, исполнителей и слушателей. Народная песня живет как язык обрядовых, игровых трудовых действий.

Необходимое в культуре профессиональное национальное творчество изначально является *прикладным*. Музыкант — при дворе (развлекательная, «потешная» часть музыки), особенно важно — при церкви (духовная часть музыки).

Наконец, высшим слоем и наиболее творческим оказывается позже всех вырастающая часть — автономно-художественное творчество, предназначенное для эстетического развития человека, для его интеллектуальной души. Все три необходимы.

Самодетельная песнь, которую народ поет *для себя*, есть чистый природный источник музыки. Ностальгия по Родине есть прежде всего истощение души, лишенной природных звуков Отечества. Современный технический прогресс объективно направлен против природной музыки, как химические заводы и атомные электростанции опустошают и отравляют землю народа. Поистине «земля будет полна плодов, а реки полны рыбою, но ничего из этого нельзя будет есть, ибо всё будет отравлено». В нашей же стране уничтожение природы приняло размеры катастрофические. Радостные макеты-карты со светящимися лампочками «великих

строек коммунизма» обернулись экологической катастрофой глобального масштаба — глобальной гибелью целого моря (!) Арала. Уходит в небытие и природная русская музыка. Процесс уничтожения русского крестьянина «как класса» — «раскрестьянивание», «расказачивание», «расчеловечение» народа русского, украинского, вместе с другими этносами нашей страны в страшные годы гражданской войны, военного коммунизма, коллективизации, голода, войны с гитлеровским фашизмом — всё это нанесло непоправимый ущерб самому генетическому фонду народа¹. Но ведь именно русская крестьянская песня и была природным истоком русской музыки. Фольклорные экспедиции свидетельствуют об агонии традиционного, древнего природного музицирования в России. Удивляться, пожалуй, следует не исчезновению и вырождению праискусства, а, скорее, тому, что кое-что из музыкальной природы еще теплится где-то, «у бабок». Молодежь же стремится прочь от деревенского быта вместе с песнями «бабок» к современной жизни — к свободе городского образа жизни, к концерту, «телеку», «к пластинке». В конце концов оказывается, что *народ уже сам не поет*. Он только слушает — магнитофон, радио, телящик. Таким образом: 1) исчезает почвенная русская интонация, голос народа, подменяемый «консервами» звукозаписи, 2) самодеятельное активное музицирование подменяется пассивным восприятием-слушанием, 3) репертуар музыки не создается, а выбирается — из того, что есть на рынке звукозаписей, что кто умеет записывать с приемника, также — из того, что народу *навязывается* рынком, ловкими дельцами массовой музиндустрии. В водах этого не очень чистого потока растворена опасность «вымывания» народной ДУШИ и замещение музыкального генофонда нации макулированными генами национального бесплодия. Генная инженерия — одно из пока еще недооцененных открытий нашего времени. Похоже, что СПИД, который (неужели только *по случайности* именно в эпоху гентехники?) неудержимо расплзается по планете, есть типичный образ, если так можно выразиться, ДИСГЕНОЗа — вырождения вследствие подмены генов.

Самое плохое здесь не обращение к музыкальным записям (это великое благо современности!), даже не просто атрофия активного музицирования, а замещение чистоты и свежести народного ощущения. На месте вековых образов — лес-«дубрава», речка, «добрый молодец», «во поле берёзонька», «светит месяц», «во горнице, во светлице», «Сизой голубь по зорям летал», «Сидел Ваня» — становятся образы-временщики, «эстрада».

В другом слое музыкальной культуры есть род музыки, о котором мы говорим меньше всего, но от которого состояние духа народного зависит, может быть больше, чем от какого-либо другого. Это — церковная музыка. В явной связи стоят гонения на церковь и вырождение принципов нравственной жизни народа. Вся наша история последних десятилетий показывает зловещий процесс искоренения религии и разложения народа-организма. Некоторые вехи: 1917-18 — ряд мер против русской церкви, расстрелы руководящих деятелей церкви, расстрел «поповских детей»; 2 февраля 1918 — Декрет об отделении церкви от государства; 17 июля 1918 — расстрел царя Николая II и всей его семьи; 20-е годы — разорение церквей и монастырей; преследование «реакционных» понятий «родина», «отчизна», «патриотизм»; изымаются церковные ценности, иконы, книги; 1922 — арест патриарха Тихона (отравлен в 1925); 1928 — с церковью снимали колокола; конец 20-х годов — распродажа русских икон за рубежом; 1929 — постановление о церковных объединениях, разрушение христианских храмов, сожжение книг и нот; «русская история» — «контрреволюционный термин», «великий перелом» станового хребта русского народа, в последний раз звучат колокола Софии Киевской; 30-е годы — забыто слово «Бог», отменен седьмой день недели (чтобы не было и слова

¹ Согласно прогнозу 1913 г., к 1985 году в России должно быть ок. 400 млн. жителей, из них русских — 260 млн. Оказалось же — 280 миллионов и 137 миллионов.

«воскресение»!), сняты сотни тысяч церковных колоколов, из 50000 христианских храмов половина разрушена, а другая занята под хозяйственные помещения, гаражи, клубы, цехи; уничтожение цвета русской нации включая духовенство; 1931 — разрушение самой большой церкви в Москве — храма Христа Спасителя; III пленум Союза воинствующих безбожников постановил полностью ликвидировать русскую православную церковь и все формы религии; 1937 — б. Екатерининский (Девичий) монастырь под Москвой переоборудован в тюрьму, место пыток политзаключенных.

Великая Отечественная война, при всем крайне трагическом ее характере и невосполнимом ущербе, причиненном народу и его культуре, кое в чем сыграла и положительную роль. Оказалось, что только патриотизм народа и его воля отстоять свою землю от врага по-прежнему могут стать решающим фактором сопротивления и победы. Слово «родина» оказалась исчерпывающе ясным понятием, способным сплотить массы людей в единство. Музыкальным символом борьбы с фашизмом стала песня А. Александрова «Священная война» (на слова Лебедева-Кумача; опубл. уже 24 июня), где, отбросив запрет на «старорежимную» религиозную лексику, авторы воспользовались высоким словом того же корня, что и «священное писание», «священнодействие», «священник», «святыня», «Дух святой», «святилище». Культ личности Сталина пришлось приспособить к обстоятельствам: «за Родину, за Сталина». В первый же день войны, 22 июня, когда из Москвы советские воины получили приказ «не отвечать огнем» на фашистское наступление, Митрополит Сергей обратился с посланием к народу: «встать на защиту Отечества своего!». Сам же Сталин в первые дни находился в трансе, и обратился к народу лишь 3 июля. Предельное напряжение сил страны и народа со всей очевидностью показало, на чем держится государство — на духе народа. Поэтому и в атеистической стране вынужденно оказалось подчеркнутым значение духовного начала в жизни. Выяснилось, что даже и самая жестокая борьба за обездуховление народа, за уничтожение того животворящего и спланивающего начала, обиталищем которого является сам организм-народ, всё же не искоренила его духа-первоосновы. Тем самым война 1941-45 годов и победа подготовили условия для русского духовного возрождения.

Русское церковное пение, в собственном смысле русско-духовная музыка, за 70 с лишним лет гонений на религию изменилось в своей значимости для поддержания естественной жизни народного духа. Упадок церковной музыки происходит по трем линиям. 1. С внешней стороны произошло сужение поля действия церковно-духовной музыки благодаря уменьшению числа храмов и церковных хоров в них, уменьшению количества людей, регулярно принимающих участие в исполнении и восприятии духовных песен. 2. Внутренние аспекты много тревожнее — в целом произошла девальвация самих ценностей русской духовной музыки, в большой мере утрачено ощущение общечеловеческой значимости актуальности для каждого человека христианских образов, символов и идей, значимости христианско-нравственной жизни. Нет сомнения в том, что общая девальвация духовно-религиозных ценностей связана со всеобщим падением нравственности в нашем обществе, расплывающимся в массовом масштабе «бесчинием, безначалием, безудержием». Конечно, преступность и аморальность были во все времена, также и в России. Но тем не менее, такое распространение коррупции, алкоголизма, «расчеловечивания» как сейчас, беспрецедентно и прямо происходит от десятилетиями насаждавшегося неверия и «классовой» морали. Наконец, (3) девальвация христианско-духовных нравственных ценностей сказалась в том, что после Всенощной С.В. Рахманинова (1915) в советское время в художественном жанре не создано произведения столь же высокой ценности, несмотря на то, что в последние годы к празднованию 1000-летия Крещения Руси ряд композиторов создали выдающиеся произведения духовного жанра: «Торжественное песнопение», «Древнерусский распев» Ю.М. Буцко, «Стихи покаянные» А.Г. Шнитке, «Свете тихий» Э.В. Денисова, «Стихира», «Запечатленный Ангел» Р.К. Щедрина,

«Литургия св. Иоанна Златоуста» Н.Н. Сидельникова, духовные сочинения С.А. Губайдулиной. Очевидно, сама психологическая структура личности в наше время иная, чем в дореволюционную эпоху. Общественный статус религиозно-нравственных установок изменился необратимо. Для Чайковского в его Литургии и Рахманинова во Всенощной религиозные образы — это реальности духовной жизни, для современных композиторов, даже в период религиозного возрождения, они — иллюзии действительности.

Падение роли духовной музыки в обществе в определенной мере свойственно и развитым западным странам. Но есть разница в направленности этого процесса на Западе и в нашей стране. За рубежом много выше проникнутость толщи общественной структуры эстетическим воздействием искусства, музыки. У нас же «разряженность» музыкально-эстетической среды неизмеримо больше, и поэтому выпадение человека из сферы систематического воздействия церковного пения оказывает гораздо более сильное музыкально-дегенерирующее воздействие.

Наконец, самая сложная область — собственно художественной музыки. Эмблематическое ее наименование — «пролетарская» — (с 30-х годов) «советская» музыка вопреки этому казенному унифицирующему названию скрывает и подлинное многообразие искусства, и его сложный и противоречивый путь — вместе с самим народом нашей страны. Вечная проблема творчества, звуковой объективации открывающегося сознанию художника нового мира, неразрывно связаны с созданием новых художественных ценностей. Старо как мир отвержение нового как «ереси». Но в советской стране на всем протяжении ее истории это приобретало особенно дикий, страшный характер. В 20-е годы был заложен новый метод подхода к новому, творческому: создание «образа врага». «Пролетарские музыканты» 20-х — начала 30-х гг. само «современничество» (А.В. Мосолов, Н.А. Рославец, Н.Я. Мясковский, В.В. Щербачев, Г.Н. Попов, Д.Д. Шостакович) объявили «буржуазным» течением (буржуазия — классовый враг, подлежащий истреблению). «24-й год» Мосолова — «музыка классового врага» (М. Коваль), Прокофьев — «фашиствующий декадент» (Л. Лебединский), Стравинский — «фашист» (он же), идеология музыки Рахманинова в некоторых произведениях — «фашизм» (Н. Выготский), Мейерхольд — «один из идеологов буржуазных сил в области музыки» (Д. Житомирский; через 10 лет «буржуазного» Мейерхольда убили). С 1932 года «пролетарская» музыка стала «советской». От имени народа и партии в 1936 году осужден Шостакович. Постановление 1948 года ударило прежде всего по лучшим музыкантам нашей страны — Прокофьеву, Шостаковичу, Мясковскому, Хачатуряну. В годы, когда «новой музыкой» стал так называемый «авангард», преследованию подверглись лучшие композиторы младшего поколения — А.М. Волконский, Э.В. Денисов, А.Г. Шнитке, С.А. Губайдулина. Всё это — с высокими целями: ввиду обострения классовой борьбы и усиления подрывной деятельности империализма. Образ врага — тот же — Новая музыка, но теперь под названием «авангард».

Что должен делать честный музыкант в такой ситуации? Честно и открыто жить нельзя — «время такое». Или скрывать себя или обречь себя на преследования; или эмигрировать (как Волконский). Если говорить о роли религиозно-нравственных устоев, прививаемых традиционным образом жизни — с иконами, всенощной, обедней, — то, кажется, всё это давно и бесповоротно кануло в прошлое. Но вдруг оказывается, что именно эта проблема — как жить по совести, как «жить не по лжи» (А.И. Солженицын), есть вопрос каждодневного выбора для каждого музыканта-творца. Загнанные травлей «пролетарских музыкантов», наступили на горло собственной песне Рославец и Мосолов — и перестали быть великими композиторами. Многие же были обречены на двоемыслие — говорить «что полагается» и делать обратное, свое, истинно творческое. Так их принуждает делать АКС — административно-командная система. После ждановского Постановления 1948 года

Прокофьев и Шостакович униженно покаялись в своих «ошибках», что избавило их от дальнейших расправ. Но Шостакович, например, одновременно сочинил «Антиформалистический раёк» — едкую сатиру на 48-й год. Выдающийся памятник двоемыслия — статья «Музыка и время. Заметки композитора» в «Правду» за 31.05.64, где в непристойных выражениях изничтожается очередная новая музыка. Конечно, Шостакович этой статьи не писал, он только ее подписал. Но п о д п и с а л !

Мы преклоняемся перед великим музыкантом Шостаковичем. Подписанием же подобной позорной статьи Шостакович конформистски заработал себе политический капитал. И — так часто употреблял его на благое дело: «спасал» кого-нибудь от расправы, удерживал некие инстанции от вмешательства в дела Союза композиторов. Двоемыслие — дело неоднозначное.

Может быть, всё это в прошлом? Во всем мире популярно русское слово «Perestroika», которой уже 5 лет. Куда мы теперь идем?

Камо грядеши?

[1990]